

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Воскресенье 15 Іюня 1914 г.

№ 24-й.

С Л О В О

**въ день выпускного акта воспитанницъ Полт. Епарх.
женск. Училища.**

Вчера во время всенощнаго бдѣнія, когда вы въ послѣдній уже разъ слушали здѣсь всѣ вмѣстѣ вечернюю службу Богу, ваше религиозное вниманіе не могло не остановиться на Евангельскомъ благовѣствованіи. Напомню вамъ его хотя вкратцѣ.

Чуть-чуть брезжитъ утро послѣ—субботняго дня. Солнца еще нѣтъ, но на востокѣ уже алѣетъ заря-предвѣстница новаго радостнаго дня. Отъ Іерусалима къ Гефсимани спѣшать робкія, но непреклонно идущія жены—мироносицы. Онѣ купили ароматы и, переждавъ субботній покой, не сомнувъ вѣроятно очей въ эту необычайную для нихъ ночь, торопливой походкой пробираются къ подножью горы Елеонской, къ дорогому для нихъ гробу Божественнаго

Учителя. Все столь свойственное женщинам: робость, страхъ, сознание слабости своихъ силъ,—все забыто. Одна цѣль, одна забота, одна овладѣвшая всѣмъ существомъ мысль — оказать послѣдній даръ любви Господу — помазать Его пречистое тѣло.

При восходѣ солнца приходятъ ко гробу и первыя, замѣтите, первыя на всей землѣ узнаютъ дивную вѣсть — «Его здѣсь нѣтъ. Онъ воскресъ. Вотъ то мѣсто, гдѣ Онъ былъ положенъ». И первыя получаютъ великую миссію — пронести эту вѣсть по всему міру, начиная съ «учениковъ Его и Петра».

Шли робкія отъ сознанія своей немощи, вернулись трепещущія отъ благоговѣйнаго страха предъ «велией тайной гроба»; шли къ Мертвому, вернулись отъ Живого; шли съ сосудами аромата, вернулись съ вѣстью «Онъ воскресъ».

И до окончанія вѣка эти святыя имена Маріи Магдалины, Маріи Іаковой и Саломіи будутъ окружены ореоломъ благоговѣйнаго преклоненія предъ ихъ полнымъ любви и женственной сердечности подвигомъ — помазать ароматами хотя тѣло, если все прочее уже не въ ихъ власти.

Такъ беззавѣтная любовь къ Учителю и Господу, неизмѣнность, устойчивость этой духовной привязанности и, наконецъ, неуклонное стремленіе къ достиженію влекущей ихъ цѣли, — сдѣлали изъ безвѣстныхъ женъ Галилеи провозвѣстницъ Христа предъ цари и владыки, поставили имена ихъ на ряду съ св. апостолами и безконечно высоко подняли личность женщины — христіанки.

Разверните страницы св. Книги и вы увидите, какъ онѣ любили Христа: онѣ ходили вслѣдъ за Господомъ и апостолами и служили имъ «отъ имѣній своихъ»; онѣ слѣдовали за Нимъ во время крестнаго пути, когда даже ученики разбѣжались; онѣ были при крестѣ вмѣстѣ съ Марією, Матерію Его; онѣ «зрясть, гдѣ Его полагаху», и вотъ, наконецъ, онѣ оказываютъ Ему тотъ дивный даръ любви, съ котораго мы начали свое слово. Да, ихъ любовь была «не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною». Эта духовная привязанность была неизмѣнна, крѣпка, нерушима. Онѣ вмѣстѣ съ апостоломъ имѣли право сказать про себя, что «ни смерть ни жизнь, ни Ан-

гелы ни Начала ни Силы, ни настоящее ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь—не могли бы разлучить ихъ со Христомъ». Ихъ религиозное чувство было активно и жизненно, оно твердо и опредѣленно вело ихъ къ разъ намѣченной цѣли—служить Господу Христу даже и по смерти Его.

Но вѣдь тѣмъ и великъ примѣръ этихъ святыхъ женъ, что онъ не могъ умереть вмѣстѣ съ ними, что ихъ подвигъ не остался той безплодной смоковницей, которая плода не могла принести. Нѣтъ, онъ какъ драгоценный алмазь, вобравъ въ себя всю ихъ любовь и настроеніе, отразился и отражается блескомъ своихъ лучей черезъ столѣтія и поколѣнія. Если десятки вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ Маріи и Саломіи, какъ личностей, то ничто, рѣшительно ничто не отдѣляетъ насъ отъ ихъ духовнаго настроенія. Ихъ порывъ можетъ быть и нашимъ жизненнымъ порывомъ, ихъ душевный строй можетъ быть и нашимъ строемъ. Всѣ мы въ жизни можемъ быть или пятью спящими дѣвами или вотъ этими великими женами. Куда направимъ волю свою, тамъ и будемъ; какимъ путемъ жизни пойдемъ, то на немъ и найдемъ. Что же отъ насъ требуется, чтобы идти путемъ мирносолицъ, а не путемъ равнодушныхъ зрителей креста Христова? Путемъ бодрствующихъ, а не спящихъ? Да, что же требуется? А требуются тѣ черты душевной настроенности, какія мы отмѣтили у этихъ святыхъ женъ.

Какое бы дѣло мы не взяли въ жизни, къ нему нужно отнестись съ любовью, съ радостью и расположеніемъ. Будетъ ли это общественный или семейный путь, а тѣмъ болѣе путь учительства и воспитательства—все равно. Разъ нѣтъ любви къ своему дѣлу, къ своему жизненному положенію, ничего плодотворнаго не будетъ изъ него. Господь говоритъ у Премудраго: „Сыне, даждь ми сердце твое“. Т. е. отдай сердце твое, твое святая святыхъ тому дѣлу и служенію, какія, при волѣ Божіей, избралъ на жизненномъ пути. Разъ нѣтъ тяготѣнія, нѣтъ влеченія въ душѣ,—оставь это дѣло: ничего, кромѣ лицемѣрія, не будетъ изъ того. Искренность въ жизни, искренность предъ самимъ собой—вотъ первое и главное условіе, какого требуетъ отъ насъ окружающая жизнь. Такъ много живости въ нашихъ отношеніяхъ и къ дѣлу и къ окру-

жающимъ, что человѣкъ искренній, вѣрный самъ себѣ, это—струя свѣжаго воздуха въ спертomъ и душномъ помѣщеніи. Съ этой точки оцѣните и ваше стремленіе на высшіе курсы и вступленіе въ школу и образованіе новой семьи.

Но вы конечно помните, какъ учили и отвѣчали, что одного рѣшенія еще мало: надо исполненіе, надо употребленіе усилій къ достиженію тѣхъ жизненныхъ цѣлей, которыя вы намѣтили себѣ. Это—та послѣдняя черта, которую мы видѣли въ психологіи женъ мирносицъ. Идите твердо по намѣченному пути, отстаивая свои святости и откидывая все соблазняющее. Иисусъ Христосъ говорилъ однажды своимъ апостоламъ «дерзайте», такъ и выпускающее васъ сегодня учебное заведеніе завѣщаетъ вамъ: будьте стойки въ жизни, не уподобляйтесь трости, вѣтромъ колеблемой. Стремитесь и идите прямо къ разъ намѣченной въ жизни высокой цѣли. Помните, что жена—христіанка, если захочетъ, можетъ много внести въ жизнь и свѣта и чистой красоты и высокой радости. Св. великомученица Екатерина обратила ко Христу цѣлый сонмъ ученыхъ и отрядъ воиновъ, св. дѣвочки-мученицы Вѣра, Надежда и Любовь заставили задуматься о силѣ христіанства съдобородыхъ правителей и смягчить грубое сердце римской черни. Не забудьте, что Моника дала міру Августина, вырвавъ его своимъ сердцемъ и волей изъ когтей порока. Хорошо въ жизни быть достойной словъ Ливанія, обращенныхъ къ матери Златоуста: «Какія великія жены у этихъ христіанъ!» И такъ, будьте же въ жизни не спящими, но бодрствующими.

А если въ душу войдетъ сомнѣніе, неувѣренность въ своихъ силахъ, столь возможное малодушіе,—припомните вчерашнюю всенощную, полумракъ нашего храма и четко рисующіяся изъ Евангельскаго повѣствованія фигуры св. женъ, спѣшавшихъ ко гробу Спасителя. И вспомя эти отблески вашего послѣдняго дня въ училищѣ и церкви его, скажите въ душѣ: Господи, я вѣрю въ торжество добра и правды на землѣ, я вѣрю и въ свое, пусть и маленькое, но дорогое мнѣ дѣло, помози же моему невѣрію!

Свящ. А. Каменскій.

Вѣра въ личное безсмертіе въ ея отношеніи къ вопросу о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни.

Вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни является однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ, относящихся къ области философіи вообще и къ одной изъ ея отраслей — этикѣ въ частности. Вопросъ этотъ въ наше время имѣетъ особенно исключительное значеніе, получивъ особую жгучесть и остроту, въ виду самоубійствъ, участвовавшихъ въ послѣднее время и принявшихъ какъ бы эпидемическій характеръ. Эти ужасныя аномаліи жизни и свидѣтельствуютъ именно объ утратѣ вѣры въ смыслъ жизни тѣми людьми, которые спѣшатъ насильственнымъ образомъ покончить съ жизнью, какъ «даромъ напраснымъ, даромъ случайнымъ», забывая, что «не напрасно, не случайно жизнь отъ Бога намъ дана». Гибнутъ такіе безумцы потому, что утрачиваютъ религіозныя убѣжденія, теряютъ вѣру въ безсмертіе души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣру въ смыслъ жизни. Въ виду этого недуга и приходится настойчиво напоминать и прояснять въ сознаніи столь часто помрачаемый или совсѣмъ утрачиваемый смыслъ жизни. Въ виду такой настоятельной потребности, и обсудимъ сейчасъ вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни со стороны той необходимой логической предпосылки, которой является вѣра въ безсмертіе души человѣческой.

Для правильнаго рѣшенія означеннаго вопроса, прежде всего, должно обратить вниманіе на тѣ условія, при соблюденіи которыхъ можно здраво разсуждать о смыслѣ жизни. Однимъ изъ самыхъ главныхъ требованій, обусловливающихъ правильность разсужденія по этому вопросу, будетъ употребленіе выраженія «смыслъ жизни» въ томъ опредѣленномъ, общепринятомъ значеніи, въ которомъ мы примѣняемъ слово «смыслъ» по отношенію ко всякой вещи.

Говоря о смыслѣ какой-либо вещи, мы всегда имѣемъ въ виду назначеніе и дѣйствительную пригодность этой вещи для осуществленія такой дѣли, къ которой почему-либо надо стремиться. Понимая въ такомъ значеніи смыслъ вещи вообще, мы можемъ опредѣлить смыслъ

жизни, какъ назначеніе и пригодность жизни для достиженія цѣнной цѣли, т. е. такой цѣли, къ осуществленію которой должно стремиться и употреблять всѣ усилія.

И такъ, вопросъ о смыслѣ жизни сводится къ вопросу о цѣли жизни. Но нужно замѣтить при этомъ, что цѣль жизни должна быть абсолютно-цѣнной, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и будетъ умѣстенъ и допустимъ вопросъ о смыслѣ жизни. Въдѣ смыслъ вещи придается не всякой цѣлью, а только такой, какую надо преслѣдовать. Но всякая цѣль признается нами обязательной или ради нея самой, это будетъ абсолютно-цѣнная цѣль,—или же извѣстная цѣль разсматривается какъ средство для безусловно цѣнной цѣли, и тогда эта цѣль будетъ лишь относительной. Относительно-цѣнные цѣли получаютъ свое значеніе отъ той верховной, основной цѣли, для которой онѣ служатъ средствомъ. Поэтому, если отрицается абсолютная цѣль, то вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть рѣчи и объ относительныхъ цѣляхъ. И такъ смыслъ жизни обуславливается и опредѣляется верховной цѣлью, которая безусловно цѣнна сама по себѣ. Отсюда вытекаетъ то, что, спрашивая о смыслѣ жизни, мы своимъ вопросомъ предполагаемъ безусловно цѣнное значеніе послѣдней, конечной цѣли жизни. Такимъ образомъ, смыслъ нашей жизни заключается въ томъ, что она назначена и должна служить для достиженія абсолютно цѣнной цѣли, т. е. такой цѣли, которую мы обязаны преслѣдовать ради нея самой.

Но говоря о цѣли жизни, мы должны подчиняться общему логически необходимому требованію, обязывающему насъ мыслить цѣль вещи находящеюся внѣ ея, а не въ ней самой. Напр. цѣль, осмысливающая научное изслѣдованіе, заключается не въ немъ самомъ, а въ тѣхъ истинахъ, которыя становятся достояніемъ ума человѣческаго при посредствѣ этого изслѣдованія. Цѣль образованія, осмысливающая его, находится не въ немъ самомъ, а въ развитіи ума и обогащеніи его научными познаніями. Нѣтъ надобности приводить другіе подобные примѣры, потому что мысль, иллюстрируемая ими, ясна сама по себѣ. Нужно только обратить вниманіе на значеніе слова «средство». Средствомъ называется то, что ведетъ къ чему-либо другому; это другое въ отношеніи

къ первому, т. е. къ средству, называется цѣлью. Выходя изъ такого значенія термина «средство», можно видѣть, что въ примѣненіи къ опредѣленію смысла жизни послѣдняя, т. е. жизнь, должна служить средствомъ для какой-либо цѣли, которая должна находиться не въ самой жизни, а внѣ ея. Эта цѣль жизни должна быть совсѣмъ другимъ по отношенію къ тому, что мыслится нами подъ словомъ жизнь. Допуская смыслъ жизни, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что онъ обуславливается наличностью той цѣли, для какой намъ дана жизнь, той цѣли, для осуществленія которой наша жизнь является дѣйствительно пригодною. Вѣра въ смыслъ жизни базируется на непоколебимой увѣренности въ существованіи абсолютно-цѣнной цѣли, лежащей внѣ нашей жизни; неуклонное, настойчивое достиженіе этой цѣли въ жизни и будетъ придавать ей (жизни) тотъ внутренній смыслъ и то идеальное значеніе, которые не позволяютъ легкомысленно смотрѣть на жизненный путь, какъ на веселый пиръ и праздникъ, гдѣ можно разсчитывать на одно веселье, развлеченіе и удовольствія. Если-же кто отрицаетъ существованіе абсолютно—цѣнной цѣли внѣ человѣческой жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ отвергнуть и вѣру въ смыслъ своей жизни, ибо одно логически вытекаетъ изъ другого; вѣра въ смыслъ жизни предполагаетъ собою наличность такой верховной, конечной цѣли, стремленіе къ которой и осуществленіе единственно и можетъ осмыслить нашу жизнь.

До сихъ поръ разсуждая о смыслѣ жизни человѣческой, мы подъ словомъ жизнь подразумѣвали земное существованіе человѣка, и выводъ, полученный нами въ болѣе точной формулировкѣ, можетъ быть выраженъ такъ: цѣль, придающая смыслъ земному существованію, находится внѣ этого существованія.

Признаніе смысла жизни имѣетъ подъ собой твердую почву только при допущеніи загробной жизни, безсмертія души человѣческой. Если мы не вѣримъ въ безсмертіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняется вѣра и въ смыслъ жизни, ибо, согласно логическимъ требованіямъ, мы должны полагать цѣль, осмысливающую жизнь,—внѣ жизни; въ силу же нравственныхъ требованій, мы не можемъ допустить, чтобы личность была въ какихъ бы то ни было

рукахъ только средствомъ. Между тѣмъ, при отрицаніи безсмертія, хотя бы и допускалась при этомъ цѣль жизни внѣ жизни, личность нисходитъ на степень только средства или орудія. Если же, напротивъ, мы вѣримъ или хотимъ вѣрить въ смыслъ жизни, то, въ силу логическихъ и нравственныхъ требованій, мы вынуждаемся вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрить и въ безсмертіе души. Смыслъ жизни придается исполненіемъ требованій нравственного закона о любви къ ближнимъ, а исполненіе нравственного закона можетъ имѣть смыслъ только подѣ условіемъ вѣры въ безсмертіе души. Это прекрасно и сильно выражено нашимъ гениальнымъ писателемъ Ф. М. Достоевскимъ, который влагаетъ въ уста одного изъ героевъ своихъ произведеній—Ивана Карамазова слѣдующія слова: «На всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себѣ подобныхъ,—что такого закона природы, чтобы человѣкъ любилъ человѣчество, не существуетъ вовсе, и что если есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе. Съ уничтоженіемъ въ человѣчествѣ вѣры въ безсмертіе въ немъ тотчасъ же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. И тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія. Для невѣрующаго эгоизмъ, даже злодѣйство, не только является дозволеннымъ, но даже необходимымъ и разумнымъ». (Братья Карамазовы кн. II, гл. 4 стр. 84).

Идея безсмертія, идея нескончаемаго совершенствованія—вотъ то живое и бодрящее начало, которое даетъ смыслъ земной жизни человѣка, даетъ ему почву для дѣятельной, созидающей и самоотверженной любви. «Вѣрой въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ», утверждаетъ нашъ писатель, и масса краснорѣчивыхъ страницъ въ его произведеніяхъ посвящена раскрытію практическаго значенія этой идеи какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни общественной.

Индивидуальная жизнь человѣка невѣрующаго въ безсмертіе, съ ея порывами къ добру, къ счастью, становится лишенной смысла, невыносимой. И чѣмъ тоньше

нравственная организація чловѣка, тѣмъ назойливѣе и мучительнѣе является для него вопросъ: зачѣмъ жить? и тѣмъ естественнѣе у него выводъ, что на землѣ нѣтъ ничего, что бы могло удержать его. Жизнь безцѣльна и бессмысленна, при отрицаніи безсмертія души, въ этомъ случаѣ самымъ естественнымъ выходомъ является самоубійство. Достоевскій съ геніальной чуткостью и прозорливостью угадываетъ и живописуетъ настроеніе самоубійцы въ своемъ «Дневникѣ писателя». «Какое право имѣла природа производить меня на свѣтъ вслѣдствіе какихъ—то тамъ своихъ вѣчныхъ законовъ? возмущается самоубійца предъ смертью,—производить, надѣливъ меня сознаниемъ, помимо моей воли? Для чего мнѣ страдать?

Природа чрезъ страданіе мое возвѣщаетъ мнѣ о какой—то гармоніи въ цѣломъ. Но я желаю быть счастливымъ въ то мгновеніе, пока я существую, а до цѣлаго и его гармоніи мнѣ нѣтъ никакого дѣла послѣ того, какъ я уничтожусь. Пусть уже я лучше былъ бы созданъ, какъ всѣ животныя, т. е. живущимъ, но не сознающимъ себя разумно. Посмотрите, кто счастливъ и какіе люди соглашаются жить? Какъ разъ тѣ, которыя похожи на животныхъ; они живутъ, чтобы ѣсть, пить, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей. Но пусть можно устроиться на основаніяхъ разумныхъ, на научно—вѣрныхъ соціальныхъ началахъ... А для чего? Все, что мнѣ могли бы отвѣтить:—«чтобы получить наслажденіе». Да, если бы я былъ цвѣтокъ или корова, я бы и получилъ наслажденіе. Я не могу быть счастливъ даже и при самомъ высшемъ непосредственномъ счастьѣ любви къ ближнему и любви ко мнѣ чловѣчества, ибо я знаю, что все это будетъ уничтожено, и я и все счастье это, и вся любовь, и все чловѣчество—обратится въ ничто. Это одно сознаніе уже лишаетъ чловѣка счастья: «не буду и не могу быть счастливъ подъ условіемъ грозящаго завтра нуля; это непосредственное чувство, и я не могу побороть его,—разсуждаетъ самоубійца Достоевскаго. «Но пусть бы я умеръ,» говоритъ онъ далѣе: «а только чловѣчество оставалось бы вмѣсто меня вѣчно, тогда, можетъ быть, я все же былъ бы утѣшенъ. Но вѣдь планета наша не вѣчна, и чловѣчеству срокъ—такой же мигъ, какъ и мнѣ... Наконецъ,

если даже повѣрить сказкѣ о грядущемъ счастьѣ людей, устроенномъ на разумныхъ и научныхъ основаніяхъ, то одна мысль о томъ, что для этого природѣ нужно было истязать человѣка тысячелѣтія прежде, чѣмъ довести его до этого счастья, одна мысль объ этомъ уже невыносимо возмутительна» *). И вотъ въ результатѣ всѣхъ подобныхъ разсужденій возникаетъ рѣшеніе покончить съ собой.

Не трудно понять, что такой человѣкъ не можетъ быть полезнымъ дѣятелемъ въ общественной средѣ. Мысль о безцѣльности жизни неотвязно преслѣдуетъ и мучитъ его, преслѣдуетъ волю его въ стремленіи къ добру, лишаетъ смысла его дѣятельность на благо и пользу человѣчества, угашаетъ любовь къ человѣчеству.

И только безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, вливаетъ въ человѣка бодрость и энергію, даетъ ему силы и мужество для совершенія жизненнаго подвига, поддерживаетъ, ободряетъ и утѣшаетъ его среди всѣхъ житейскихъ испытаній и невзгодъ.

Итакъ, путемъ предшествующихъ разсужденій мы пришли къ тому выводу, что безъ вѣры въ безсмертіе нѣтъ надлежащей опоры для вѣры въ смыслъ жизни, съ утратой вѣры въ безсмертіе жизнь человѣка становится нелѣпой и бессмысленной.

Но этому положенію, повидимому, протворѣчить тотъ фактъ, что множество лицъ, утратившихъ вѣру въ безсмертіе, всё-таки считаютъ позволительнымъ вѣрить въ смыслъ жизни, не чувствуя при этомъ никакого противорѣчія. Для выясненія этого недоумѣнія можно указать на два психологическихъ факта, въ которыхъ кроется причина, препятствующая замѣтить и сознать указанное противорѣчіе. Первый фактъ тотъ, что мы всегда склонны невольно судить обо всѣхъ вещахъ сообразно съ тѣмъ, какъ намъ вещи представляются или воображаются нами, а не такъ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности. Несмотря на всѣ усилія отрѣшиться отъ такого способа представленія вещей, это рѣдко удается намъ. Такъ, напр., разсуждая о Богѣ, ангелахъ, душѣ, мы по самому свойству этихъ существъ, какъ чуждыхъ всякой протяжен-

*) Днев. Писат. 1876 г. Октябрь. «Приговоръ».

ности, сознаемъ всю неумѣстность примѣненія къ нимъ категоріи пространства, и однакоже рѣдко кому удается, говоря объ этихъ существахъ, освободиться отъ того способа представленія, сообразно съ которымъ они невольно рисуются нашему воображенію. Къ устраненію вышеприведеннаго возраженія, въ связи съ только-что указаннымъ фактомъ можетъ послужить другой фактъ, состоящій въ томъ, что при всѣхъ усиліяхъ воображенія мы никогда не можемъ представить себѣ полного, окончательнаго уничтоженія своей духовной личности. Мы можемъ въ своемъ воображеніи представить себѣ картину своей тѣлесной смерти, можемъ вообразить себѣ различное впечатлѣніе, какое будетъ произведено нашей смертью на тѣхъ или другихъ людей извѣстныхъ намъ. Но представляя картину своей смерти, я въ тоже время представляю себя въ качествѣ зрителя этой картины, изъ какого-то потайнаго уголка созерцающаго все происходящее послѣ воображаемой мною тѣлесной смерти. Отсюда въ этомъ примѣрѣ дѣло обстоитъ такъ, что я, представляя себя умершимъ, не могу вообразить себѣ полного уничтоженія своей личности: моя духовная личность, мое «я» оказывается уцѣлѣвшимъ. Итакъ то обстоятельство, что мы не затрудняемся допускать смыслъ жизни безъ вѣры въ безсмертіе, находить себѣ объясненіе въ фактѣ невообразимости полной смерти, въ связи съ присущей намъ наклонностью судить о вещахъ сообразно тому, какъ онѣ воображаются нами. Отрицая безсмертіе умомъ, мы всѣмъ существомъ идемъ наперекоръ этому отрицанію, и, соотвѣтственно этому, рѣшеніе, выносимое нами по вопросу о цѣли и смыслѣ жизни, получается не то, какое бы вытекало изъ требованій ума, а то, какое согласуется съ глубочайшими запросами всего нашего духовнаго существа. Посему, не дѣлая особыхъ усилій ума, мы никогда не можемъ почувствовать всѣхъ логическихъ выводовъ отрицанія безсмертія.

Помимо указаннаго и разобраннаго возраженія противъ безсмертія, какъ необходимаго условія смысла жизни, выставляются еще и другія соображенія, съ помощью которыхъ стараются оправдать смыслъ жизни, независимо отъ вѣры въ загробное существованіе, усиливаясь найти цѣль, осмысливающую жизнь, въ предѣлахъ земной жизни.

Часто разсуждаютъ такъ: «зачѣмъ мнѣ искать смыслъ

жизни внѣ жизни, если цѣль моей жизни зависитъ отъ меня самого? Вѣдь я самъ ставлю цѣли своей дѣятельности. Имѣя возможность намѣтить себѣ цѣль столь возвышенную, что ею осмыслится вся моя жизнь, я буду искать смысла жизни въ самой жизни, а не въ какой-то потусторонней области».—Но спрашивается, въ чемъ же можетъ заключаться цѣль моей жизни, могущая осмыслить ее? Конечно, эта искомая цѣль должна имѣть абсолютную цѣнность, въ зависимости отъ которой получала бы такую цѣнность и дѣятельность, приводящая къ этой цѣли, а потому имѣющая для меня безусловно обязательный характеръ. Но существуетъ только одна дѣятельность, отличающаяся абсолютно—обязательнымъ характеромъ. Это дѣятельность, предписываемая нравственнымъ долгомъ и имѣющая своей цѣлью счастье всѣхъ людей. А какова эта цѣль—осуществима или неосуществима? Если признать жизнь человѣка ограничивающеюся предѣлами земного существованія, то эта цѣль окажется неосуществимой, доказательствомъ чего служатъ тысячи примѣровъ и множество психологическихъ соображеній. Не вдаваясь въ подробную аргументацію, можно сослаться на оцѣнку жизни, даваемую поэтами, религіознымъ сознаниемъ и философами. Величайшіе поэты, начиная съ царя Соломона, всегда высказывали убѣжденіе въ неосуществимости, въ суетности земного счастья, если только касались въ своихъ произведеніяхъ оцѣнки цѣлюй жизни, а не отдѣльныхъ ея моментовъ. Земная жизнь разсматривается, какъ юдоль печали, скорби, двумя религіями: христіанствомъ и буддизмомъ. Будучи сходны между собой въ этомъ пунктѣ, они разнятся въ томъ, что христіанская религія, при такой оцѣнкѣ жизни, не утрачиваетъ ни вѣры въ смыслъ земной жизни, ни вѣры въ господство нравственного начала въ волѣ Божіей, запрещающаго разсматривать личность только какъ средство; поэтому она вѣритъ и въ личное безсмертіе, и чрезъ это оказывается религіей жизнерадостной, не ненавидящей, а любящей жизнь.

Также и по взгляду философовъ счастье представляется недостижимымъ на землѣ. Всѣ философы единогласно учатъ о недостижимости земнаго счастья, начиная съ Платона, презрительно смотрѣвшаго на земную жизнь, тра-

ктовавшего человѣческое тѣло, какъ темницу души, изъ которой она освобождается только при тѣлесной смерти, вступая съ этого момента на путь истинной жизни. Даже извѣстный англійскій мыслитель Д. С. Милль, усиливавшійся вывести и объяснить всѣ требованія нравственнаго закона, какъ необходимое условіе для достиженія земнаго счастья, проводитъ ту мысль, что достиженіе счастья обусловливается, какъ самымъ надежнымъ средствомъ, сознательной способностью и умѣньемъ жить безъ счастья. Равнымъ образомъ эпикурейцы и стоики, хотѣвшіе научить своихъ послѣдователей достиженію счастья на землѣ, при всемъ различіи исходныхъ началъ своихъ взглядовъ, рекомендовали по существу одинаковое средство для достиженія цѣли, именно выработку умѣнья не поддаваться жизненнымъ лишеніямъ, скорбямъ и, кромѣ того, умѣнья въ случаѣ надобности обходиться безъ всякихъ радостей жизни. Отсюда понятно, что всѣ заботы стоиковъ и эпикурейцевъ сводятся только къ одному—не къ достиженію положительнаго счастья, а къ уменьшенію неизбѣжнаго, по ихъ мнѣнію, на землѣ несчастья.

И такъ, при отрицаніи безсмертія нравственный законъ, предписывающій служеніе всеобщему счастью, самъ оказывается лишенымъ всякаго смысла, и потому не можетъ придать смысла человѣческой жизни. Смыслъ жизни гарантируется исполненіемъ нравственнаго долга подъ непремѣннымъ условіемъ признанія безсмертія, потому что, при отрицаніи его, всеобщее счастье, въ служеніи которому понимается исполненіе нравственнаго закона, оказывается несбыточной утопійей. Если же мы встрѣчаемъ людей, исполняющихъ нравственныя предписанія, при отсутствіи вѣры въ безсмертіе, то это свидѣтельствуешь о непослѣдовательности такихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, если понятіемъ смысла жизни необходимо предполагается дѣйствительная пригодность для достиженія абсолютно цѣнной цѣли, то исполненіе нравственнаго закона не будетъ имѣть никакого смысла при отрицаніи загробной жизни, потому что одна настоящая жизнь не можетъ быть разсматриваема какъ сфера, пригодная для осуществленія абсолютно цѣнной цѣли. Жизнь, согласная съ этическими нормами, въ этомъ случаѣ оказывается не болѣе осмысленною, чѣмъ жизнь безнравственная.

Итакъ, вѣра въ личное безсмертіе есть базисъ, на которомъ зиждется вѣра въ смыслъ жизни. Только при допущеніи вѣры въ безсмертіе позволительно съ логической и нравственной точки зрѣнія вѣрить въ смыслъ жизни.

Законоучитель Прилуцкой гимназіи

Д. Болховитиновъ.

Простая рѣчь священника къ народу о прославленіи и жизни Святителя Питирима, Епископа Тамбовскаго.

(Окончаніе).

Поселяя въ людяхъ духъ благочестія, духъ страха Божія, св. Питиримъ въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ себѣ помощниковъ. Въ Тамбовской епархіи не было духовныхъ школъ. Пришлось святителю руководить обученіемъ и даже самому обучать тѣхъ, кто желалъ быть пастыремъ. Его покои похожи были на школу, гдѣ подготовлялись кандидаты во священники, діаконы и псаломщики. Всѣми силами святитель Питиримъ старался внушить имъ любовь къ Церкви Божіей. Онъ самъ ежедневно ходилъ въ храмъ Божій, часто служилъ, а когда не совершалъ богослуженія, то становился на клиросъ и училъ чтенію и пѣнію своихъ учениковъ, училъ ихъ терпѣливо, исправляя въ духѣ кротости ихъ ошибки. И подѣ наблюденіемъ великаго святителя выходили усердные служители церкви.

Трудился святитель сколько силъ хватало, все приводилъ въ порядокъ и всѣ усилія употреблялъ, чтобы спасти души людей, порученныхъ его попеченію.

Самъ онъ во всемъ отказывалъ себѣ. Святитель не одѣвался роскошно, умѣренно употреблялъ пищу самую простую и жилъ не въ роскошныхъ палатахъ. Когда онъ прибылъ въ Тамбовъ, ему негдѣ было жить. Надо было позаботиться устроить для себя помѣщеніе. И онъ устроилъ небольшой каменный домъ въ пять комнатъ. Но и въ этомъ домикѣ ему было просторно. Всего лишь одну комнату въ немъ занималъ святитель. Здѣсь онъ, въ часы отдыха,

душу свою устремлялъ къ Богу, молитвенно бесѣдовалъ съ Нимъ. Сохранились двѣ келейныя иконы-Богоматери и Святителя Николая, предъ которыми св. Питиримъ молился, молился съ плачемъ и воздыханіемъ о своихъ грѣхахъ и людскихъ неправдахъ.

Не только въ келліи своей святитель Питиримъ предавался молитвенному подвигу, онъ часто уходилъ въ рощу, окружавшую его домъ. Роща была большая и, уходя далеко отъ жилища, святитель въ густой чащѣ деревьевъ, подъ открытымъ небомъ, преклонялъ колѣна въ горячей молитвѣ.

И не только молился Святитель, но съ молитвеннымъ подвигомъ соединялъ и трудъ физическій. Тамъ, въ глубинѣ рощи, онъ своими руками выкопалъ колодезь. Другой колодезь выкопанъ имъ въ Трегуляевскомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Тамбова. Эготъ монастырь былъ имъ основанъ. Когда Св. Питиримъ прибылъ въ Тамбовскій край, тамъ было немного храмовъ Божіихъ и почти не было монастырей. А вѣдь для того, чтобы въ народѣ поддерживалась религіозность, чтобы чаще ему напоминать о Богѣ, о молитвѣ, о спасеніи души, монастыри необходимы.

Теперь часто приходится слышать и даже читать, что въ монастыряхъ будто бы и нѣтъ благочестія, что въ монастыряхъ хуже стало, чѣмъ въ мірѣ. Конечно, кое гдѣ бываетъ такъ. Люди, приходя въ монастыри не для того, чтобы потрудиться въ постѣ и молитвѣ, а чтобы роскошно и покойно пожить, сдѣлали изъ монастырей тотъ же міръ. Они забыли, что, поступая въ монастырь, должно отказаться отъ міра, отъ мірской роскошной жизни. Монахъ долженъ навсегда отречься отъ міра, отъ мірскихъ заботъ, привязанностей. Не всѣ монахи забыли это главное правило отреченія отъ міра, не всѣ монастыри и безусловно плохи.

Христось Спаситель сказалъ: «кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня... и кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня» (Ев. Мѡ. X, 37, 38). А потому, чтобы быть достойнымъ Царствія Небеснаго, надо пренебречь душею своею въ мірѣ и тогда душа можетъ наследовать вѣчную жизнь:

«Любящій душу свою погубить ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семь сохранитъ ее въ жизнь вѣчную» (Ев. Іоан. XII, 25). И Св. Ап. Іоаннъ Богословъ убѣждаетъ христіанъ: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ» (1 Іоан. II, 15. Въ тишинѣ монастырской сердцу, ищущему Бога, очень удобно выполнить эти святые завѣты. Тамъ же удобнѣе всего исполняется и заповѣдь Ап. Іакова о молитвѣ за другихъ: «молитесь другъ за друга» (Іак. V, 16).

Съ этою цѣлью Святитель Питиримъ и взялся за устройство монастырей въ дикомъ Тамбовскомъ краѣ, всѣми способами стараясь насадить тамъ благочестіе. Въ прекрасной лѣсной мѣстности возлѣ Тамбова имъ былъ поставленъ мужской Трегуляевъ монастырь въ честь св. пророка и Предтечи Іоанна. Тамъ часто и подолгу проживалъ самъ Святитель и, хотя былъ главою и хозяиномъ сей обители, однако не былъ ея настоятелемъ, а считалъ себя состоящимъ въ числѣ братіи.

Начало монастырю было положено 15 сентября 1688 года. При этомъ былъ святитель Митрофанъ Воронежскій, который былъ въ дружбѣ съ св. Питиримомъ, посѣщалъ его и писалъ къ нему письма.

Кромѣ этого мужскаго монастыря, основанъ Святителемъ Питиримомъ женскій монастырь во имя Вознесенія Господня, въ самсѣмъ гор. Тамбовѣ, при впаденіи р. Студенца въ р. Цну. Это было въ 1690 году. Въ немъ поселилась родная сестра Святителя Питирима, Екатерина, и сдѣлалась первой игуменіей.

Трудно изобразить бѣдность сооруженной трудами Святителя женской обители. Деревянныя строенія ея часто горѣли, часто погибало все монастырское имущество. Потомъ уже, спустя много времени, на пожертвованія благодѣтелей, монастырь сталъ обстраиваться, въ немъ сооружено нѣсколько храмовъ Божіихъ. А тогда, на первыхъ порахъ существованія монастыря, тяжело приходилось монахинямъ, жившимъ въ немъ.

Вотъ что извѣстно о томъ времени: «первыя монахини помѣщались кое какъ. Онѣ жили въ тѣсныхъ курныхъ избахъ съ волоковыми или слюдяными окнами. Работы свои совершали при трескѣ лучины или тихомъ мерцаніи лампы. Одѣвались въ грубыя самодѣльные ткани, питались онѣ то отъ скудныхъ келейныхъ суммъ свя-

тителя, то отъ своихъ трудовъ, и питались впроголодь. Поистинѣ житіе ихъ было тѣсное и нудное». («Голосъ Истины» № 13—14 за 1913 г.)

Скудость содержанія обители зависѣла отъ того, что она не получала пособія ни отъ казны, ни отъ благодѣтелей. Въ первое время содержалъ монастырь на свои средства Святитель Питиримъ. Но много ли онъ могъ дать? Въ жизни своей онъ былъ скромень, однако хотя и богатства не собиралъ, денегъ все таки ему едва—едва хватало для прожитія. Онъ отдавалъ все, что могъ, на добрыя дѣла. И кромѣ женскаго монастыря, который содержался на его средства, онъ оказывалъ пособіе деньгами и вещами и другимъ монастырямъ, раньше его устроеннымъ въ епархіи Тамбовской.

Въ 1692 году, 19 Августа, святитель послалъ отъ себя въ даръ Козловскому мужскому монастырю образъ Св. Троицы въ дорогомъ окладѣ съ золотыми украшеніями. Въ слободѣ Пяткельской, —теперь село Донское возлѣ гор. Тамбова,—Святитель «на собственныя средства построилъ храмъ во имя Св. Іоанна Предтечи, а немного времени спустя въ маѣ 1687 года пожертвовалъ туда крестъ собственноручной работы. Свят. Питиримъ видѣлъ, что въ этой слободѣ особенно необходимъ былъ храмъ Божій, т. к. слобода населена была людьми сосланными, бѣглыми и всякаго рода бродягами. И онъ не пожалѣлъ на это своихъ средствъ, видя, что другимъ путемъ нельзя было устроить храма. Вездѣ, гдѣ только видѣлъ крайнюю нужду, Святитель всегда старался помочь. И все свое небольшое архіерейское жалованье онъ употреблялъ на дѣла помощи, хотя понемногу удѣляя туда и сюда. Да иначе и быть не могло. Самъ онъ получалъ немного, конечно не много и удѣлять могъ на каждое требованіе помощи, а вѣдь такихъ требованій было много.

Но по возможности, по мѣрѣ силъ, приходя на помощь, великій Святитель и другихъ располагалъ къ жертвѣ на доброе дѣло. Его стараніемъ былъ воздвигнуть въ Козловскомъ монастырѣ, вмѣсто стараго деревяннаго, новый каменный храмъ во имя Св. Троицы. Въ этотъ то храмъ и пожертвовалъ онъ отъ себя образъ Св. Троицы, о которомъ было уже сказано выше.

Строя и украшая храмы, Святит. Питиримъ усердно

старался, чтобы въ нихъ было торжественно совершаемо богослуженіе и Слово Божіе было бы проповѣдуемо. Онъ и самъ проповѣдывалъ съ большимъ стараніемъ. Часто онъ навѣдывался въ ту подгородную Пяткельскую слободу, гдѣ устроилъ храмъ, часто и подолгу бесѣдовалъ съ тамошнымъ народомъ, уча жизни по Закону Божию. И не только гор. Тамбовъ и его окрестности посѣщалъ Св. Питиримъ, но и самые отдаленныя мѣста своей большой епархіи онъ старался видѣть самъ, чтобы самому знать тамошнія нужды и найти способъ, какъ наилучше, успѣшнѣе всюду утвердить Православную вѣру. Разъѣзды по епархіи Святителя Питирима были очень скромные. Вообще онъ въ жизни своей избѣгалъ всякой роскоши, пышности и славы. Его экипажемъ была самая простая, лубочная повозка, въ которую впрягалась тройка лошадей, но не для пышности, а для скорости ѣзды по мѣстностямъ глухимъ и отдаленнымъ. Всѣ знали и любили скромнаго, доступнаго для всѣхъ Святителя, внимательно слушали его поученія. Люди видѣли, какъ въ скромной, простой повозкѣ Св. Питиримъ ѣздитъ по епархіи, какъ бодро онъ переносить всѣ трудности пути только для того лишь, чтобы научить ихъ истинѣ и жизни по заповѣдямъ Божиимъ, видѣли все это и любили Святителя, который готовъ былъ на все для ихней пользы. Искренно желая всѣмъ добра, ласково обращаясь со всѣми, Святитель заслужилъ любовь и слово его обращало къ Богу не только забывшихъ Бога православныхъ людей, но и не знавшихъ Его язычниковъ и магометанъ. Своєю проповѣдью онъ старался привлекать сердца и оставшихъ отъ Православной вѣры такъ называемыхъ старообрядцевъ. Кроткій, ласковый ко всѣмъ, Святитель Питиримъ былъ учителемъ и отцомъ, другомъ и братомъ, для людей искавшихъ у него помощи, совѣта, руководства. Бывало, помогалъ Святитель Божій и деньгами, если видѣлъ гдѣ либо крайнюю нужду.

Но будучи добрымъ, ласковымъ, внимательнымъ и снисходительнымъ, Св. Питиримъ могъ быть и строгимъ. Строгъ онъ былъ къ тѣмъ, кто хулилъ, порицалъ, унижалъ вѣру православную, и преслѣдовалъ ихъ на это, не позволяя имъ глумиться надъ вѣрою. Были поэтому и враги у Святителя Питирима. Но никакого вниманія не обра-

щадъ онъ на нихъ, зная, что безъ скорбей, безъ печалей въ мірѣ семь прожить нельзя; и у Самаго Христа Спасителя были враги да еще какіе лютые. Изъ за враговъ и неприятностей не оставлялъ онъ своего дѣла. Служить Богу и ближнимъ это была вся цѣль его жизни.

Послѣднею постройкою его была постройка кафедральнаго собора. Соборъ въ Тамбовѣ до пріѣзда Святителя былъ деревянный. Онъ построенъ былъ вмѣстѣ съ основаніемъ города и пришелъ въ большую ветхость. Могъ ли Святитель Питиримъ оставить безъ вниманія главный храмъ своего города? Но это дѣло требовало большихъ средствъ и, удовлетворяя нужды въ другихъ мѣстахъ, Святитель понемногу собиралъ средства на постройку большого каменнаго собора. Не было при старомъ соборѣ ни утвари, ни разницы порядочной. Озаботившись приобрѣтеніемъ ризницы и утвари, Святитель наконецъ приступилъ и къ постройкѣ собора въ 1694 году, во имя Преображенія Господня. Работа шла успѣшно и въ одно лѣто стѣны собора выведены были на 20 аршинъ отъ земли. Святитель самъ смотрѣлъ за работою, даже своими руками носилъ и подавалъ кирпичи. Но при такомъ вниманіи къ дѣлу Св. Питирима постройка затянулась на очень долгій срокъ. Вышло это такъ потому, что Святитель заболѣлъ. Некому было усердно стараться, руководить постройкою и, главное, добывать деньги на сооруженіе собора.

Болезнь Святителя Питирима, замедлившая ходъ работъ, была тяжелая. Постоянный трудъ, вѣчныя заботы, ни часу полнаго покоя—такова была жизнь подвижника архіерея. Силы его слабѣли, здоровье разстраивалось и онъ самъ чувствовалъ уже приближеніе своей смерти. Видѣлъ онъ, что это—послѣдняя постройка его и, отлагая житейскія заботы, сталъ усиленно молиться о спасеніи души своей.

Святителю Питириму, по преданію, было одно видѣніе, которое указывало, что ему открытъ входъ въ небесное царствіе. Одинъ разъ, въ молитвѣ Святитель обратился къ преп. Прокоію, имя котораго дано было ему при св. крещеніи: «Пастырю мой и наставниче мой, преподобне отче Прокоіе! Помолися Господу Богу о душѣ моей». Внезапно предсталъ преп. Прокоій и сталъ звать ко

Господу: «Везмертнй Божє! Хвалу тебѣ воздаю: Царь бо единъ всѣмъ, помилуй душу его и сподоби его царствія небснаго!» И вотъ, является въ облакахъ Спаситель съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляетъ боляцаго Святит. Питирима. Видѣніе окончилось. Святитель чувствовалъ въ сердцѣ своемъ страхъ и нѣкую радость. Страхъ ощущалъ онъ потому, что видѣлъ не только пришельца изъ другого міра Преп. Прокопія и слышалъ голосъ его, но видѣлъ Самаго Господа, на Котораго съ трепетомъ взирають безплотныя ангельскія силы; но и радовался притомъ, что Господь милостивъ къ нему и душа его, молитвами его небснаго покровителя преп. Прокопія, избѣгнетъ адскихъ мученій. Объ этомъ видѣніи Свят. Питиримъ повѣдалъ одному другу своему старцу Василю, а потомъ по смерти Питирима со словъ Василя оно изображено было на иконѣ, которая поставлена при гробницѣ Святителя.

Болѣзнь Св. Питирима затянулась, медленно шла и постройка собора. Предчувствуя, что врядъ ли ему удастся довести дѣло до конца, Святитель сталъ хлопотать объ отдѣлкѣ праваго придѣла. Освятивъ въ немъ престолъ въ честь Святителя Николая Чудотворца, Святитель Питиримъ тутъ же въ этомъ придѣлѣ избралъ себѣ мѣсто для погребенія, возлѣ южной стѣны. И не дождавшисъ полнаго окончанія собора, освященія главнаго престола и вообще всей отдѣлки зданія, Святитель отошелъ ко Господу 1698 года 28 іюля, спустя четыре года послѣ начала постройки, имѣя всего 53 года отъ роду.

Погребли Святителя на томъ мѣстѣ, которое онъ избралъ. Много плакали о немъ Тамбовцы. Всѣ они—и пастыри, и міряне, и монахи чувствовали, что они лишились добраго наставника, утѣшителя, руководителя, отца. И къ его могилѣ стали прибѣгать съ молитвою, какъ раньше къ живому обращались за помощью. Усердіемъ молящихся и братіи соборной устроена была надъ могилою Свят. Питирима деревянная, рѣзная, украшенная золотомъ гробница.

Шли годы. Молящихся у гроба Святителя Питирима все болѣе и болѣе было. Изъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей, изъ Тамбовской и изъ другихъ далекихъ губерній шли богомольцы къ могилѣ Святителя съ вѣрою

въ него, какъ угодника Божія. Больные тѣломъ исцѣлялись у гробницы его, страдающіе душою получали утѣшеніе и отраду. Въ благодарность за полученные милости, богомольцы украшали мѣсто упокоенія св. Питирима. Въ 1843 г. усердіемъ М. М. Бибиковой сдѣлана была на гробницу посеребренная доска съ изображеніемъ Святителя, держащаго въ рукахъ крестъ и Евангеліе.

Немного спустя, въ 1876 году надъ могилою Святителя поставлена была деревянная, орѣховаго дерева, гробница, покрытая серебряною вызолоченною доскою, украшенною эмалью съ выпуклымъ изображеніемъ угодника Божія. Устроители этой гробницы не открыли своихъ именъ, пожелавъ остаться неизвѣстными. Въ 1882 г. усердіемъ г. Панкевичъ устроенъ былъ хрустальный балдахинъ надъ гробницею.

Соборнымъ причтомъ заведена была особая книга для записи чудесныхъ исцѣленій при гробницѣ Святителя. Въ ней записано болѣе 260 чудесъ.

Наконецъ, возбуждено было ходатайство о причисленіи Свят. Питирима къ лику святыхъ. Преосвященный Тамбовскій Кирилль препроводилъ оное въ Св. Синодъ, гдѣ состоялось опредѣленіе о разслѣдованіи дѣйствительности чудесъ. Комиссія собрала свѣдѣнія о 34 чудесахъ и на основаніи ея донесенія Св. Синодъ опредѣлилъ причислить Святителя Питирима къ лику Святыхъ и назначить день прославленія его на 28 іюля 1914 года, въ то число, когда совершается память его кончины.

На докладѣ Св. Синода, 28 іюня 1913 года, Государь Императоръ соизволилъ начертать: *«Согласенъ. Прочелъ съ чувствомъ истинной радости и умиленія».*

Такъ положено было начало прославленію еп. Питирима, какъ угодника Божія.

Прославляя Бога, являющаго грѣшному міру Святыхъ Своихъ, заступниковъ и ходатаевъ за грѣхи людскія, прибѣгнемъ къ ихъ помощи. Труденъ путь въ небесное царствіе, много же и скорбей въ мірѣ. Нужны молитвенники, нужны ходатаи. «Много можетъ усиленная молитва праведнаго»,—говор. Ап. Іаковъ. (Іак. V, 16). Прибѣгнемъ же къ помощи и заступленію въ бѣдахъ великаго чудотворца Святителя Питирима. Радуюсь о его прославленіи и почитаю его какъ молитвенника за грѣш-

ный міръ, отъ всей души воззовемъ къ нему въ дни скорбей нашихъ:

Святителю Христовъ отче Питириме, моли Бога о насъ!

Священникъ *Григорій Корсунъ.*

Нѣсколько словъ по поводу наблюденія за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ школахъ, гдѣ преподавателями сего предмета состоятъ мѣстные учителя и учительницы.

Такое наблюденіе обыкновенно поручается мѣстнымъ приходскимъ священникамъ. Послѣдніе de jure не только должны наблюдать, но при случаѣ руководить малоопытными.....

Такъ обыкновенно пишется; но, да позволено будетъ намъ спросить, гдѣ это исполняется?

Кажется, не будетъ большой грубой ошибкой утверждать—нигдѣ..

Отъ каждаго изъ насъ, рядовыхъ священниковъ, въ даннымъ случаѣ требуется быть во 1-хъ завѣдомо опытнымъ въ законоучительскомъ дѣлѣ, во 2-хъ сравнительно свободнымъ отъ своихъ прямыхъ обязанностей, въ 3-хъ—и это самое главное—мужественнымъ правдолюбомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наличное положеніе дѣла потребуетъ отъ священника объ иномъ преподавателѣ Зак. Божія сказать, а, быть можетъ, и написать горькую истину. Если даже допустить, что всѣ поставленные у дѣла руководительства свѣтскими законоучителями священники въ наличности обладаютъ указанными качествами,—кто можетъ ручаться, что заявленіе руководителя—священника будетъ непременно имѣть тѣ результаты, какихъ требуетъ польза дѣла законоучительскаго?

Нѣтъ.. Въ этомъ важномъ и серіозномъ вопросѣ исходнымъ пунктомъ разсужденія можетъ быть только теорія практической осуществимости, а не теоретической идеальности... А жизненная практика настоятельно требуетъ оставить у этого дѣла не мѣстнаго приходскаго священ-

ника, а особаго священника—наблюдающаго за преподаваніемъ Зак. Божія свѣтскими лицами. Если уже нельзя, по разнымъ соображеніямъ и причинамъ, имѣть такого наблюдающаго руководителя въ каждомъ благочинническомъ округѣ, то нужно имѣть ихъ 3—4 на уѣздъ. Назначаются они Преосвященнымъ по представленію уѣздн. отдѣленія Епарх. Учил. Совѣта или инспектора народн. училищъ, а еще лучше—если они будутъ выбираться уѣзднымъ собраніемъ духовенства. Вознагражденіе могли-бы они получать то самое, какое теперь предназначается земскими управами, въ силу постановленія сѣзда г.г. инспекторовъ народныхъ училищъ, за выѣзды приходскимъ священникамъ.

Такія лица, какъ уполномоченные съ одной стороны Епископомъ, съ другою одобренные выборомъ всего духовенства уѣзда, имѣли-бы, по нашему мнѣнію, болѣе солидную компетенцію, и польза отъ наблюденія ихъ за преподаваніемъ Зак. Бож. была бы больше обезпечена, чѣмъ при наличномъ положеніи этого дѣла.

Свящ. Меѳ. *Варвинскій.*

Сельскій пастырь въ настоящемъ.

Тяжелъ и тернистъ путь сельскаго пастыря. Приходитъ терпѣть страданія и наказанія не только за проступки, но, иногда, и за исполненіе своего прямого долга. *Судитъ ли законъ низъ челоуѣка, если прежде не выслушаетъ его и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ?* (Іоан. 7, 51). Дѣйствительность показываетъ, что судить и наказуетъ.—Униженный и оскорбленный въ борьбѣ за право и сохраненіе пастырскаго достоинства, сегодня я поѣхалъ къ сосѣду сопастырю, чтобы подѣлиться пережитыми нравственными страданіями и впечатлѣніями и найти силы для дальнѣйшей пастырской дѣятельности. Поѣздка не увѣнчалась успѣхомъ и страданія души еще удесятились. Мой сосѣдъ въ награду за настойчивые, многолѣтніе и весьма полезные пастырскіе труды: открытіе и дѣятельное руководство сестричнаго братства, образцовое благоуукрашеніе храма, преподаваніе Закона Божія въ трехъ школахъ въ

разныхъ мѣстахъ, совершеніе всенощныхъ бдѣній въ тѣхъ же школахъ, почти во всѣ воскресные и праздничные дни, и религиозно-историческія чтенія тамъ же, съ туманными картинами, въ присутствіи такой массы народа, что огни гасли, чему и я былъ свидѣтелемъ,—получилъ копію многословной клеветнической жалобы кучки прихожанъ, которымъ настоящая пастырская дѣятельность не по душѣ, такъ какъ пастырь не смотрѣлъ на лица, обличалъ порокъ во всей наготѣ и стоялъ за основы и постановленія церкви. Любовь цѣлаго прихода, отзывчивость ихъ, выразившаяся въ послѣднія три года въ церковныхъ пожертвованіяхъ, при малолюдности прихода, болѣе 5 тысячъ руб., благожелательность и даже поднесеніе иконы — не гарантируютъ въ настоящее время покоя для пастыря. Достаточно напомнить церковному старостѣ, предсѣдателю попечительства и всякому воротилѣ въ приходѣ о его обязанностяхъ и отношеніяхъ и это порождаетъ грязный клеветническій протестъ.—Кому изъ пастырей живется хорошо? На это съ пастырской горечью можно отвѣтить:—тому, кто по ошибкѣ и недоразумѣнію несетъ пастырство, кто, какъ былинка, пригибается во всемъ и вездѣ, кто болѣзненно гонится за повышеніемъ и наградами и въ своемъ нравственномъ оступѣніи, не разбираетъ, кому и чему служить.—Время и сила обстоятельствъ заставили пастыря не только нести свое высокое и почетное дѣло пастырства, но и быть готовымъ ко всему, что несетъ съ собою клевета и извѣтъ.

Хроника доказываетъ, что большинство жалобъ на пастырей исходитъ отъ церковныхъ старостъ и вообще отъ причастныхъ близко къ дѣламъ храма. Церковный староста близко освѣдомляется, что вся церковная выручка уходитъ изъ церквей и, по своему невѣденію, всю вину за это возлагаетъ на пастыря. По подсчетамъ Епархіальной комиссіи, приходскія церкви, при полученіи 100 р. дохода, уплачиваютъ 105 руб. Полный трагизмъ! И во всемъ этомъ, по убѣжденію прихода, виновенъ пастырь церкви. Отсюда клеветы и связанныя съ ними нравственныя страданія и униженія. Тяжесть положенія усугубляется еще и тѣмъ, что иногда дѣла прихожанъ съ пастыремъ попадаютъ въ руки людей высококомѣрныхъ, честолюбивыхъ и эгоистовъ, или неопытныхъ. Чтобы

не быть голословнымъ въ только что сказанномъ, приведу выписи изъ писемъ на мое имя, рисующія картины слѣдствія надъ священникомъ.... (1). Удручающее, гнетущее и безотрадное впечатлѣніе слѣдствія, произведеннаго о. слѣдователемъ новос. Н. по извѣстному Вамъ дѣлу! Крикъ, шумъ, униженіе сана и человѣческой личности! Думаю, что во всемъ этомъ не мало виноватъ нашъ о. слѣдователь. Факты: въ учительской комнатѣ четыре священника: о. слѣдователь, обвинитель, обвиняемый и я. Начинается бурная полемика между тяжущимися; обвинитель честитъ обвиняемаго грубымъ, необразованнымъ солдатомъ, мѣщаниномъ и дуракомъ; обвиняемый замѣтилъ, что по происхожденію и сану они равны, проситъ о. слѣдователя унять расходившагося обвинителя; слѣдователь дѣлаетъ замѣчаніе обвинителю: «на «ты» называть нельзя». — Только? — Слѣдовало бы спросить о. слѣдователя, много ли разницы между «ты» и «вы» — дуракъ?! Обвиняемый уходитъ изъ учительской; тогда слѣдователь шепотомъ обращается къ обвинителю: «Вашего главнаго свидѣтеля по обвиненію Н. въ потерѣ шапки въ нетрезвомъ видѣ нѣтъ, Вы пошлите сына, чтобы свидѣтель этотъ явился, — это для Васъ важно.» Я, грѣшный, подумалъ, что при этомъ дѣлѣ не обвиняемому дадутся всѣ законные способы для оправданія, а обвинителю предоставляются таковые (способы) для полного уничтоженія обвиняемаго. — Но все вышеприведенное блѣднѣетъ предъ послѣдующимъ взрывомъ протеста свидѣтелей защиты, причиной котораго было протокольное постановленіе о. слѣдователя о недопущеніи къ присягѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей обвиняемаго, якобы по мотивамъ дружбы и безрелигиозности, выразившейся въ неговѣніи свидѣтеля. Всѣмъ поводы для отвода не выдержали от критики: одинъ свидѣтель, недавно вставшій съ одра тяжелой болѣзни, исповѣдывался и пріобщался Св. Тайнъ чуть ли не у самаго обвинителя, — другой — единственный разъ былъ въ теченіи года въ домѣ обвиняемаго, да и то для приглашенія къ больному ребенку. Протоколъ читался въ классѣ; всѣ свидѣтели защиты взволновались, протестовали противъ явно несправедливаго протокольнаго постановленія о. слѣдователя,

въ ущербъ обвиняемаго, и рѣшили разойтись по домамъ; тогда слѣдователь пошелъ на уступки и вмѣстѣ съ обвиняемымъ удалился въ учительскую для перемѣны протокола; сюда за ними двинулись всѣ свидѣтели и тутъ произошло безобразнѣйшая полемика выраженіями, возгласами и остротами, унижающими санъ, честь и чело- вѣческое достоинство. Не буду повторять то, что возму- тило до глубины души меня и другихъ. Съ цѣлью ли непременно доказать справедливость обвиненія, или, быть- можетъ, удары были направлены на того, чье мѣсто теперь временно слѣдователь самъ занималъ, но слѣдова- тель, разъ сойдя съ пьедестала слѣдовательской коррект- ности, послѣдовательности и тактичности, не могъ уже подняться на высоту своего достоинства и полномочій и успокоить разбушевавшіяся страсти свидѣтелей. Въ даль- нѣйшемъ ходѣ этого рѣдкого слѣдствія, обвинитель посчиталъ для себя неудобнымъ и нежелательнымъ мое присутствіе на слѣдствіи, а о. слѣдователь безпрепятствен- ные допустилъ мое удаленіе, хотя, какъ приводившій къ присягѣ свидѣтелей, кажется, я имѣлъ право слушать показанія ихъ, но безъ возраженій, со смиреніемъ я вы- шелъ изъ слѣдственной комнаты, читая 1-й псаломъ Да- вида. Какъ рассказываетъ обвиняемый и свидѣтели, все послѣдующее веденіе слѣдствія было подъ давленіемъ то- го же обвинителя: такъ, свидѣтели обвиненія, по требо- ванію обвинителя, были допрашиваемы по нѣсколько разъ, а показанія свидѣтелей защиты не всѣ полностью были записываемы слѣдователемъ, нѣкоторые интеллигентные свидѣтели, вслѣдствіе отказа о. слѣдователя записать ихъ показанія, записывали ихъ сами. Однимъ словомъ, нашъ депутатъ приложилъ свои знанія, силы и трудъ въ этомъ слѣдствіи односторонне—въ пользу обвинителя.

2. «... Не могу не подѣлиться съ Вами тѣми впечатлѣ- ніями, которыя получены и мною и семьею моею, и всѣми, бывшими съ нами 29 декабря, отъ дѣяній слѣдователя во время дознанія по жалобѣ N. на меня. Во 1-хъ онъ смѣшалъ дознаніе съ формальнымъ слѣдствіемъ и мнѣ стоило не малыхъ трудовъ отговорить его—не пригла- шать сельскаго старосту къ присутствованію. Во 2-хъ мы съ нимъ разошлись во взглядѣ на истинный смыслъ ре- золюціи Высокопреосвященнаго Назарія. Резолюція Вла-

дыки на прошеніи была приблизительно такая: «о. благочинный (депутатъ, вр. п. д. благочиннаго) дознаетъ объ изложенномъ въ жалобѣ въ присутствіи отвѣтчика, близкихъ къ нему лицъ и церковнаго старосты, и немедленно сообщить мнѣ». Такимъ образомъ, по моему убѣжденію, Владыка заботливо оберегаетъ священника и даже меня, носителя священнаго сана, отъ публичнаго оскорбленія гнусною клеветою и замыкаетъ кругъ присутствующихъ немногими, близкими мнѣ, неспособными усилить огорченіе мое и моей семьи и тѣнью двусмысленныхъ намековъ, взглядовъ, улыбокъ. Онъ не хочетъ поруганія не только сана, но и лица, носящаго санъ, на улицѣ, если бы возможно было предположить, что жалоба—не клевета, а правда... Но желаніе Владыки удесятеряется, когда жалоба—не правда, а клевета. Что же дѣлаетъ слѣдователь? Въ повѣсткѣ назначено было мѣсто въ земскомъ училищѣ, хотя я просилъ его произвести дознаніе въ квартирѣ псаломщика. Когда мы съ женою пришли въ школу, явилась туда и Н. почти пьяная, и заявила слѣдователю, что она не удостоитъ своимъ присутвіемъ процесса, если слѣдователь не перенесетъ своею производства въ сельскую расправу. Какъ ни доказывалъ я, что жалобщица—не близкій, а враждебный мнѣ человекъ и присутствіе ея не предусматривается резолюціей Архіепископа, которую слѣдователь выполняетъ; какіе резоны не выставлялъ я, что сельская расправа у насъ это—сборный пунктъ для празднующихся въ эти святочные дни, что и я не желаю быть при дознаніи, если оно будетъ производиться въ расправѣ, — слѣдователь торжественно вышелъ съ жалобщицей и направился къ расправѣ. Мы съ женою, боясь за то, что всякая правда можетъ быть поправа такимъ слѣдователемъ и что клевета будетъ блистать, какъ истина, рѣшили пойти въ этотъ, до нѣкоторой степени, старинный трактиръ... Вотъ ворвалось человекъ 6—7 и заняли входъ, отбѣснивъ сторожей. Съ этихъ поръ дверь была открыта для всѣхъ. Минуты за три хата наполнилась людьми разнаго возраста. О. слѣдователь нѣсколько разъ, по моему заявленію, предлагалъ народу удалиться. Но всѣ видѣли, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности и толпа только увеличивалась. Затѣмъ торжественно объявлено, что должно произвести дознаніе, а не формальное слѣдствіе, по жалобѣ такой то на

священника, — что различіе дознанія отъ слѣдствія состоить въ томъ-то; что если жалобщица не удовольствуется, она можетъ требовать слѣдствія и проч. — Ни одинъ изъ свидѣтелей, поставленныхъ жалобщицей, не набросилъ и малѣйшей тѣни на мою нравственную личность. Полагая, что Архіеп. Назарій имѣлъ въ виду не територіальную близость, онъ допросилъ многихъ изъ моихъ прихожанъ — и близкихъ, и далекихъ сосѣдей... онъ думалъ, что въ моемъ приходѣ, гдѣ въ былыя времена было столько противниковъ у меня, найдутся безстыжіе люди, способные обвинять невинныхъ, но онъ ошибся: тѣ времена канули въ вѣчность. Вообще говоря, о. слѣдователь еще разъ старался унижить меня, какъ пастыря и нравственнаго человѣка предъ Епарх. Властію и уронить меня въ глазахъ моего прихода и общества... — Наступаетъ новый годъ; что онъ сулитъ намъ, — одинъ Господь знаетъ, но да будетъ съ нами Его святая воля».

3. «... — Вызвалъ о. депутата въ церковно-приходскую школу, чтобы узнать о ходѣ дознанія по провѣркѣ прошенія и, къ моему удивленію, оказалось, что о. депутатъ, не добившись ничего для обвиненія меня по содержанію жалобы, занялся, по своему недоразумѣнію, а больше пристрастію, сыскомъ новаго преступленія о разспрашиваніи мною свидѣтелей, что будутъ показывать на дознаніи. Этого я никакъ не ожидалъ. Принятый мною способъ примиренія я не считаю приступнымъ, и изъ присутствующихъ при спросѣ не признавалъ этого никто. Я полагаю, что спрашивать о сдѣланномъ мною допросѣ каждаго свидѣтеля подробно и заносить въ протоколъ депутатъ не имѣлъ права. Онъ долженъ былъ потребовать разъясненія отъ меня, почему я допустилъ этотъ спросъ, и донести объ этомъ Духовной Консисторіи. — Депутатъ для моего униженія и оскорбленія допустилъ: 1-е вызовъ меня черезъ Волостное Правленіе и сборную мѣстную избу, открытою повѣсткою; 2-е прислалъ мнѣ повѣстку № 339, въ которой онъ искажаетъ указъ Полтавской Духовной Консисторіи, добавкою о приглашеніи меня указать свидѣтелей для своего оправданія, тогда какъ обычно присылается копія указа и жалобы; 3-е избралъ мѣсто для дознанія церковно-приходскую школу, самовольно совмѣстивъ учениковъ въ одномъ

классѣ, въ который черезъ дверь слышенъ весь разговоръ депутата и имъ допрашиваемыхъ отвѣтчика и свидѣтелей, и заставилъ подписываться учителя за неграмотныхъ, когда можно было это сдѣлать во внѣзантное время; 4, провѣрку прошенія возвелъ чуть ли не въ формальное слѣдствіе. Я положительно утверждаю, что депутатъ, въ силу вышеизложеннаго деморализируетъ... всякій походъ, гдѣ ему приходится производить провѣрку прошеній, дознанія и формальныя слѣдствія“.

Хотя можно еще представить документальныя данныя, но и приведенныхъ достаточно для вывода, что слѣдственное дѣло въ недостойныхъ рукахъ убиваетъ пастырство въ лучшихъ его сторонахъ. Близость Епархіального Съѣзда побудило меня огласить факты о ненормальности положенія пастыря, при все увеличивающихся церковныхъ поборахъ, и, попутно, положенія мѣстами слѣдственного дѣла. Полагаю, что продуктивнѣе съѣзду посудить о вышепоименованныхъ вопросахъ, а не копаться въ копѣйкахъ и рубляхъ, и не пора ли подумать о новыхъ источникахъ содержанія духовныхъ заведеній и др. учреждений, а также о положеніи пастырей церкви, для пользы пастырства.

Свящ. В. Фесенко.

О подоходномъ обложеніи церквей.

Епархіальному съѣзду XXII созыва предстоитъ рѣшить серьезный вопросъ о подоходномъ на всѣ епархіальныя нужды обложеніи церквей. Епархіальное начальство пополнило избранную съѣздомъ комиссію людьми компетентными и этимъ какъ бы пошло на встрѣчу благому начинанію. Поэтому можно надѣяться, что закончится оно успѣхомъ.

До сего времени церкви облагались по числу душъ мужескаго пола въ приходѣ: то копѣчнымъ, то полукопѣчнымъ сборомъ, или равнымъ взносомъ отъ каждой церкви: по рублю, по десять въ эмеритальную кассу и проч.

Такое обложение было тяжелымъ для приходо́въ съ многочисленнымъ, но несостоятельнымъ населеніемъ, такъ какъ число прихожанъ не можетъ быть показателемъ состоятельности церкви, и въ дѣйствительности приходы съ малочисленнымъ населеніемъ часто имѣютъ тысячные доходы. Еще тяжелѣе для бѣдныхъ церквей равное обложение, такъ какъ для церкви, имѣющей 500 рублей годового дохода, заплатить 10 рублей въ десять разъ труднѣе, чѣмъ тѣ же 10 рублей заплатить церкви, имѣющей годовой доходъ въ 5000 рублей. Говорятъ, что у богатыхъ церквей и расходы большіе: имъ и хоръ надо содержать, и больше и дороже служители стоятъ, электричество надо оплатить и проч. Намъ припоминается, какъ одинъ помѣщикъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ десятинъ земли, по поводу все возрастающаго земскаго обложения, на земскомъ собраніи пытался возразить такъ: До чего же это можетъ дойти? Уже съ десятины приходится платить до трехъ рублей, а въ общемъ это даетъ по моему имѣнію нѣсколько десятковъ тысячъ! У меня вѣдь совершенно другія потребности, чѣмъ у крестьянъ. Мнѣ надо поѣхать за границу, дѣлать пріемы, угощать шампанскимъ, а не сивухой. Другое дѣло крестьянину съ полдесятины или десятины заплатить какихъ нибудь полтора или три рубля... Но не будемъ распространяться о справедливости подоходнаго обложения. Это ясно доказано усердно потрудившимся, многоуважаемымъ инициаторамъ и опытнымъ докладчикомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по этому вопросу.

Въ принципѣ ничего нельзя возразить противъ подоходности. Но детальная разработка этого вопроса требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія. Пусть никто не подумаетъ, что мы намѣрены сломать это дѣло. Хотѣлось бы въ этотъ чистый сотъ принести и свою капельку меду и напередъ остановить вниманіе почтенныхъ участниковъ съѣзда на разныхъ сторонахъ этого важнаго дѣла, надъ которымъ не мало придется поломать голову, чтобы придти къ безупречному рѣшенію; а именно: 1) что взять за основаніе для опредѣленія доходности церкви, 2) какое ввести обложение, общепархіальное или подѣлить его на круги, обнимающіе больше и меньше церквей, 3) равный ли 0/о обложения назначить на всѣ цер-

кви или для сельскихъ церквей одинъ, для городскихъ другой и для монастырей—еще иной, 4) высказаться по частнымъ предметамъ обложения.

Г) Высказываются, что показателемъ доходности церкви долженъ быть средній валовой приходъ за предшествующіе пять лѣтъ а) отъ свѣчной выручки, б) кошельковыхъ поступленій, в) поступленій за наемъ церковныхъ и кладбищенскихъ земель и оброчныхъ статей, г) поступленій $\frac{0}{100}$ съ церковныхъ капиталовъ и д) пожертвованій, т. е., со всѣхъ предметовъ, дающихъ доходъ церкви. Нѣкоторые справедливо замѣчаютъ, что кошельковыя поступленія и пожертвованія не могутъ быть признаны точными показателями церковной доходности, и предлагаютъ остановиться а) на среднемъ заборѣ свѣчей за предшествующія пять лѣтъ, б) на поступленіяхъ съ десятины церковной земли и в) на поступленіяхъ $\frac{0}{100}$ съ капиталовъ, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія. Такой показатель устойчивѣе перваго, но намъ приходится имѣть дѣло съ тремя разнородными показателями: пудами, десятинами и рублями. Какую часть епархіального бюджета надо получить съ пудовъ, какую—съ десятинъ и какую—съ рублей? Необходимо все перевести на деньги. Въмѣсто пуда можно поставить стоимость—34 р., валовую выручку—80 р., если это $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{40}$, $\frac{1}{20}$, и $\frac{1}{10}$ свѣчи, и чистую выручку—46 р. Но на чемъ остановиться? Церковь «А» взяла $\frac{1}{100}$ свѣчей 5 п., $\frac{1}{70}$ —3 п. и $\frac{1}{40}$ —2 п. и выручить за нихъ 812 р.; церковь «Б» взяла $\frac{1}{100}$ —3 п., $\frac{1}{70}$ —3 п., $\frac{1}{4}$ —2 п. и $\frac{1}{2}$ —2 п. и выручить за нихъ 748 рублей, а если поставить полуфунтовые свѣчи бесплатно въ паникадила, то только—620 р. Въ нѣкоторыхъ церквахъ въ паникадила ставятся свѣчи, купленные прихожанами, а въ другихъ—отъ церкви бесплатно, въ иныхъ же—желтыя домашняго приготовления. Та и другая церковь возьметъ изъ склада по десяти пудовъ, а выручка значительно разнится: «А» будетъ имѣть чистой выручки 472 р., а «Б»—408 р. или даже только 280 рублей. Какъ вы здѣсь обложите? Намъ кажется, надо остановиться а) на должествующей быть чистой выручкѣ отъ продажи мелкихъ свѣчей: $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{70}$, $\frac{1}{40}$, $\frac{1}{20}$, и $\frac{1}{10}$, б) на десятинѣ ружной земли и в) на $\frac{0}{100}$ съ церковныхъ капиталовъ. Тогда по церкви

«А» будетъ подлежать обложенію 472 р., а по церкви «Б» — 288 рублей., хотя онѣ забрали и по 10 пудовъ свѣчей въ среднемъ за пять лѣтъ. Если бы свѣчной заводъ могъ дать свѣдѣнія, сколько мелкихъ свѣчей отпущено за пять лѣтъ, то можно высчитать и долженствующую быть чистую выручку по всей епархіи, а благочинническіе округа тоже сдѣлали бы по церквамъ, не принимая въ расчетъ, какая выручка значится по приходорасходнымъ книгамъ, такъ какъ мелкія свѣчи во всѣхъ церквахъ должны быть продаваемы по одной цѣнѣ.

2) Остановились на общепархіальномъ обложеніи на всѣ нужды епархіи. Но лучше, казалось бы, при введеніи подоходнаго налога воспользоваться аналогіей земскаго поземельнаго обложенія. Здѣсь мы видимъ, что десятина земли обложена на государственныя нужды однимъ $\frac{0}{100}$, на нужды губернскаго земства — другимъ $\frac{0}{100}$, на нужды уѣзднаго земства — третьимъ $\frac{0}{100}$ и на волостныя — четвертымъ $\frac{0}{100}$. Такъ бы надлежало обложить и каждый рубль доходности церкви: на епархіальныя нужды назначить извѣстный $\frac{0}{100}$ со всѣхъ церквей епархіи, на окружныя — другой $\frac{0}{100}$ съ церковей училищнаго округа, на уѣзныя — иной $\frac{0}{100}$ съ церковей каждаго уѣзда и на благочинническія — еще иной $\frac{0}{100}$ съ церковей округа. Такимъ способомъ достиглась бы и справедливая доходность обложенія и она соотвѣтствовала бы дѣйствительнымъ нуждамъ и мѣстнымъ условіямъ. Общее же начисленіе $\frac{0}{100}$ обложенія будетъ выгодно для однихъ мѣстностей и тягостно для другихъ, а кромѣ того стѣснить по мѣстахъ развитіе добрыхъ начинаній. Приведемъ примѣры. Окружное духовенство хочетъ расширить зданіе духовнаго училища, а духовенство другихъ округовъ не захочетъ увеличивать $\frac{0}{100}$ обложенія на свои церкви. Уѣздъ находитъ нужнымъ дать хорошее жалованіе уѣздному миссіонеру, лучше обезпечить содержаніе своихъ школъ и отдѣленія, а другіе воспротивятся этому, скажутъ: достаточно на нужды отдѣленія 600 р. въ годъ, — а на самомъ дѣлѣ мало и 2000 р., — достаточно на два комплекта 150 р., а вѣдь каждый знаетъ, что и 200 р. трудно обойтись. Благочинническій округъ желаетъ повысить жалованіе благочинному, желаетъ учредить библи-

отеку, имѣть своего окружного миссіонера и дать ему жалованье, все это можетъ встрѣтить прѣпятствія со стороны незаинтересованныхъ этимъ дѣломъ при общимъ епархіальномъ обложеніи. А если обложеніе будетъ разбито на 4 категоріи, и каждому кругу входящихъ въ него церковей будетъ предоставлено вѣдать свои нужды, то не будетъ убита инициатива и свобода въ развитіи культурныхъ предпріятій.

3) Рѣшили раньше опредѣлить 0% обложенія для сельскихъ церковей, а потомъ для городскихъ понизить его на 5% , а для монастырей еще на 5% , но скинутые 0% съ городскихъ церковей и монастырей придется наложить на сельскія и получится разница не на 5% . Кромѣ того, не указано никакого основанія, почему именно на такой 0% понизить. Можетъ быть, надо понизить на больший или на меньший 0% . Если были возраженія со стороны городскихъ церковей противъ подходящаго обложенія, то не потому, что они враги справедливости, а, видно, проектъ считали недостаточно разработаннымъ. Предлагать же имъ 5% скидки въ видѣ взятки за уступчивость слишкомъ обидно. Говорили, что городскія церкви должны быть лучше обставлены хоромъ, служителями и проч., но это благолѣпіе по мѣрѣ возможности желательно и для сельскихъ церковей. Указывали, что монастырямъ необходимо содержать монастырскую братію, но братія работаетъ на свое пропитаніе помимо церковныхъ доходовъ. Упоминали, что городскія церкви должны нести особыя городскія повинности: устраивать и ремонтировать тротуары и проч., а монастыри вносить на содержаніе архіерейскаго дома и проч. Это дѣло. Если есть еще какіе либо расходы, которыхъ не несутъ сельскія церкви, то ихъ надо привести въ точную извѣстность и составить пропорцію, которая укажетъ, какой именно 0% надо скинуть съ городскихъ церковей и монастырей. Справедливость требуетъ, чтобы затраты городовъ и монастырей на общеепархіальныя нужды плюсъ особыя ихъ расходы составили въ общемъ равный 0% обложенія съ сельскими церквами.

4) Что касается частностей, то не внесены нѣкоторые предметы расхода церковей, напр. на жалованіе о.о. благочиннымъ. Трудъ благочинныхъ не легкій, а всякій трудъ долженъ быть достаточно оплаченъ, а потому и

эту статью расхода необходимо имѣть въ виду. Останавливали вниманіе и на томъ, какая должна быть введена сложная организациі при общеепархіальномъ подоходномъ налогѣ. Нужно принимать деньги, разсылать по учрежденіямъ, провѣрять правильно ли доставлены взносы и проч. и проч. Нужны люди надежные и опытные. Не малое потребуетъ имъ жалованіе и расходы канцелярскіе. Хотя такая организациа вызоветъ значительный расходъ, который также долженъ быть принятъ въ расчетъ при общеепархіальномъ обложеніи, но за то, какъ говорить опытъ другихъ епархій, можетъ составиться запасной епархіальный капиталъ, который во всякомъ предпріятіи необходимъ. А если съѣздъ остановится на обложеніи по 4 категоріямъ, то поступления 1-й категоріи вѣдалъ бы епархіальный съѣздъ, 2-й—окружной, 3-твей—уѣздное собраніе духовенства, а 4-й—собраніе благочинническаго округа. О.о. благочинные, получивъ при полугодовой отчетности всѣ взносы, по кругу 1-го разряда разсылали бы взносы въ епархіальныя учрежденія: въ епархіальныя училища, семинарію, эмеритальную кассу и проч., по кругу 2-го разряда—въ свое духовное училище, по кругу 3-го разряда—уѣздному миссіонеру и уѣздное отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, проч., по кругу 4-го разряда оставляли бы у себя на нужды округа.

Въ заключеніе, примиряя тотъ и другой взглядъ на обложеніе, скажемъ, что первоначально должно быть сдѣлано общеепархіальное обложеніе т. е. $\frac{0}{100}$ обложеніа на всѣ нужды епархіи долженъ быть исчисленъ по доходности всѣхъ церквей епархіи, такъ какъ подоходной Комиссіей приняты во вниманіе всѣ настоящія нужды епархіи и имѣются надлежащій статистическій матеріалъ, а въ будущемъ придется обратиться, смотря по мѣстнымъ нуждамъ, къ начисленію большихъ или меньшихъ $\frac{0}{100}$ по кругамъ 4-хъ разрядовъ. Желательно, чтобы съѣздъ пришелъ къ такому безошибочному рѣшенію, которое безъ всякихъ колебаній могло быть утверждено и введено въ жизнь съ 1 іюля сего 1914 года Епархіальной властію.

Священникъ Викторъ *Клименко*.

Поликарпъ.

(ОКОНЧАНИЕ.)

Послѣ «исхода» Поликарпа изъ бурсы, онъ навсегда остался подъ родительскимъ кровомъ. Помогалъ отцу въ его маленькомъ хозяйствѣ и, самое главное, проходилъ практическій стажъ по подготовкѣ къ занятію должности псаломщика въ Веретенѣ послѣ отца, къ чему онъ былъ предуготованъ на совѣтѣ отца съ Веретеновскимъ батюшкой о. Стефаномъ, обѣщавшимъ ему свою поддержку.

Любитъ Поликарпъ поразсказать и о своихъ, во дни юности, экскурсіяхъ въ губернской городъ.

Его первое путешествіе въ далекій, невѣдомый губернской городъ, гдѣ живетъ архіерей и губернаторъ, состоялось на слѣдующій годъ послѣ «исхода» Поликарпа изъ бурсы. Съ особенной теплотой и нѣжностью Поликарпъ «рисуеть» это путешествіе.

Покойный о. Стефанъ поручилъ отцу Поликарпа отвезти своего сына Ваню, теперешняго о. Іоанна, въ Семинарію. Въ то время, конечно, о желѣзной дорогѣ въ губернской городъ и помину не было. «Напинали надъ возомъ, а то такъ и надъ гарбою, халабуду цыганьску, запрягали пару кониняты і іхали собі помаленьку». Обыкновенно для такого путешествія, не всегда безопаснаго, въ виду широко организованнаго разбоя по проселочнымъ дорогамъ, соединялось нѣсколько подводъ, иногда объеданялись для «коллективнаго исхода» изъ нѣдръ родного уѣзда въ семинарію всѣ мѣстные семинаристы, «везомые» своими родичами; тутъ были: батюшки, діаконы, псаломщики и «иніи челоувѣцы». Веселая, шумная, разношерстная компанія, душой которой являлась жизнерадостная, подвижная, какъ ртуть, молодежь, наводила почтительный страхъ на «рыцарей темной ночи».

Бдуть днемъ и ночью по знакомой, не одинъ десятокъ разъ извѣженной дорогѣ. Располагаются таборомъ у рѣки или у опушки лѣса, зимой же по постоялымъ дворамъ...

Лѣтній жаркій день клонится къ вечеру. Ласкающей прохладой вѣетъ надъ широкой, засыпающей степью. На небѣ робко зажигаются «вѣчные огни». Коні плегутся

бодрой рысцей: чуютъ скорый привалъ. Вотъ маленькій лѣсокъ. Привалъ. Коні пускаются на траву. Изъ повозокъ вытаскиваютъ «казанки», всякого рода припасы. Шумъ, смѣхъ, радостное возбужденіе. По лѣсу пошелъ трескъ и шумъ: собираютъ дрова для костровъ. Зажигается три, четыре костра. Робкое, колеблющееся пламя разгорается, вспыхиваетъ красивыми блестками и мягко освѣщаетъ черные «казанки» съ варящейся въ нихъ кашей и лица «экскурсантовъ» съ добрыми милыми улыбками, съ ласковыми взглядами. Чудная лѣтняя ночь съ глубокимъ, усыпаннымъ мириадами звѣздъ небомъ, это еле уловимое, но глубоко волнующее дыханіе грезящей степи на мигъ приближаетъ душу къ чему-то прекрасному и могучему и чуть-чуть грустному....

«Каша съ пшеномъ и саломъ» готова. Снимаются казанки и ставятся на свѣжую траву. Шумъ, восклицанія идутъ crescendo. Съ ложками въ рукахъ размѣщаются «путешественники» вокругъ «казанковъ»: появляется въ достаточной мѣрѣ и... «аqua vitae», неизмѣнная спутница русскаго человѣка въ «бою и въ странствіяхъ» на сушѣ и на морѣ.

А черезъ полчаса надъ степью широкой волной льется пѣсня...

Дрогнула чуткая тишина. Степь въ свои мягкія, бархатныя объятія принимала то грустныя, полныя щемящей тоски вздохи сердца, то радостно-хмѣльные порывы его.

Дрожащимъ, колеблющимся свѣтомъ догорающихъ костровъ освѣщаются лица пѣвцовъ.. «Дуже гарно тоді співали, теперъ якъ згадаю, ажъ плакати хочеться, съ грустью вспоминаетъ Поликарпъ.—Підтягувавъ я,—пидшавъ, видимо, якъ комарь. Посередині стоявъ і махавъ руками «Півтора-Павла»,—такъ усі звали батюшку зъ Крутого Берега о. Павла,—здоровый бувъ, високий якъ добра каланча. А що уже бась у ёго бувъ!. Такихъ теперъ голосівъ нема.. Потімъ почали танцювати.. Коні перестали їсти траву, пошіднімали голови і дивились на своїхъ хозяїнівъ.. Я лїгъ скоро біля свого воза на сіно; въ годові шуміло, на серці такъ було гарно. Я почавъ дрімать: небо зъ зірками близько-близько нахилилось надомною, такъ і вхопивъ би рукою зірку... Скоро я заснувъ...

А кончилось все таки пагано. На другій день, підъ вечеръ, насупилось небо. Усі боялись грозы, а то прямо горо-

биноі ночі. Почувать завернули на постійий двір. Тутъ було уже багацько народу, були і якісь цигани. Закусили і випили усі добре за вечерю; заспівали і потанцювали. Зиркъ: а цыганівъ въ хаті нема. Вийшли на двір. «Нема коней і шарабана» кричить «Півтора-Павла». «Нема і моіхъ коней!» чуть не плаче съ Крутоі Балки дякъ...

Доіхали до губерського городу. Побачивъ я архіерея у кафедральному соборі і получивъ відъ ёго благословеніє; бувъ въ семинарі; бачивъ губернатора. За два дні ми зъ батькомъ обходили увесь городъ. Біль усеґо міні понаравилась монастирська колокольна, выща нашої Веретеновської втричі. Снизу здаються звони невеличкі; а якъ побачишь близько, якъ добра хата. Зъ колокольні городъ видно якъ на лодоні. Мене водивъ на колокольню молодий кучерявий монахъ, а я ёму за те натеръ цілу кучу кирпичу для самоварівъ і поцилувавъ руку. А звонивъ монахъ цей, не такъ якъ у насъ въ Веретені тільки руками, а і ногами: дерга руками, товче ногою по вірѣвці, крути головою, а звони таке виробляють, що хотъ танцюй. Міні було і страшно і смішно... Черезъ три дні поіхали до дому....

Второй разъ Поликарпу пришлось побывать въ губерскомъ городѣ черезъ пять лѣтъ уже взрослымъ юношей—съ прошеніємъ въ рукахъ на имя архіерея—о предоставленіи ему, Поликарпу, должности псаломщика въ Веретенѣ на мѣсто вышедшаго въ отставку отца. Прошеніє было написано Поликарпомъ собственноручно подъ диктовку Веретеновскаго батюшки о. Стефана и, по просьбѣ послѣдняго, витієвато завѣрено мѣстнымъ благочиннымъ, который отмѣтилъ въ кандидатѣ способность къ «велелѣпному чтенію» и «сладкозвучному пѣнію» въ связи съ «добропорядочнымъ» знаніємъ церковнаго устава.

На этотъ разъ Поликарпу пришлось совершить путешествіє въ «кафедральный» городъ одному и per pedes apostolorum.

«Прийшовъ я въ городъ на четвертый день—повѣстуетъ Поликарпъ.—Спасибі батюшці, покійному о. Стефану,—вінь мені давъ письмо до свого родича—ключаря кафедрального собору. Прочитавъ протоіерей письмо. «Ну, каже, оставайся ти, Поликарпе, у мене, будешъ

спать въ садку, у бесѣдні (діло було літомъ) і кусокъ хліба у мене найдеться,—а завтра підемо вмісті до архієрея: у мене тежъ єсть діло до єго Преосвященства).

У вечері протоіерей покликавъ мене до себе въ кабінетъ. «А дай мені, Поликарпе, твое прошеніє, я прочитаю єго,—каже протоіерей. Я винавъ прошеніє і подавъ протоіерею. Вінъ прочитавъ єго, а потімъ почавъ питать уставъ. На всі вопросы я отвічавъ дуже гарно. «А ну, проспивай, Поликарпе!» «А що вамъ?».. «Догматикъ на 5 гласъ». Я проспивавъ. «Уставъ ти, Поликарпе, знаєшь добре, а співаєшь паганенько. Гляди, не острамись передь архієреємъ, бо Єго Преосвященство люби пѣніє і можить тебе попросить заспівать, а о. благочинный написавъ, що ти співаєшь «сладкозвучно», опять усміхнувся протоіерей.— Ну, Поликарпе, іди спать, а завтра утромъ—до архієрея!». Я взявъ у протоіерея благословеніє і пішовъ въ садокъ. Сонъ не йшовъ на думку.—Ну, думаю, буде завтра лихо: зъ переляку я не тільки що «сладкозвучно», а може зовсімъ не заспіваю. Прожене мене архієрей, та ще чого доброго нагорить і благочинному. О. Стефанъ і благочинный хотіли зробити якъ краще, похвалили більшъ чімъ треба, а я своїмъ «сладкозвучіємъ» тільки сміху нароблю»... Хожу по дорожкамъ. Кругомъ тихо такъ, гарно. Гляну на небо, ясне, зоряне, а на серці холодно і темно. Щось все міні шепче бѣдо: «Охъ, Поликарпе, прожене тебе завтра архієрей». Пішовъ у бесѣдку, лігъ на диванъ, заплющивъ очі і бачить міні, що передо мною стоить архієрей, високий, худий, бородатий і приказує співать. Я починаю співать, а архієрей маха на мене рукою і сміється. Я, почти, не спавъ: всю нічъ мені мерещевся архієрей. На другий день я схватився чуть світъ. Умився яїчнимъ миломъ, причисався грібінцемъ, почистивъ чоботи ваксою і почавъ ходити по садку. Переспивавъ усі гласи съ догматиками, все, що знавъ... А якъ згадаю про архієрея—«языкъ прільпе къ гортані». «мекекекаю», якъ вівця. Въ десятому часу пішли до архієрея. По дорозі я нічого не бачивъ і не чувъ. Въ голові дзижчить, якъ веретено: «Прожене тебе, Поликарпе, архієрей!».. Очумався я тільки у архієрейському домі, якъ піднімались по круті дѣстниці; тутъ міні стало прямо вже холодно...

Я, якъ приговоренний до смерти, шканделявъ за протоіереємъ.. Вийшли въ темный калідоръ, потімъ у передню якусь; тутъ були батюшки, діакони, псаломщики, якісь барині і пани... Вийде зъ дверей молоденькій монашекъ, келейникъ, викличе кого небудь і той вмісті зъ нимъ сховається за високими білими дверями, минутъ черезъ пять вертається; побувавъ за дверима і протоіерей, вінъ скоро вийшовъ. «Я піду, сказавъ протоіерей, тебе покличуть, стій тутъ». Довго я стоявъ; уже зовсімъ мало осталось людей у передні, а мене не кличуть. «Може, думаю, і зовсімъ не покличуть». Осталось тільки двоє: я та якийсь старий дякъ. Келейникъ підійшовъ до мене: «Якъ твоя фамилія?»—пытае. Я сказавъ. «Ходімъ!» У мене сразу такъ світъ і замакітрився. Я бачивъ, якъ багацько людей виходило зъ дверей, то білихъ якъ сметана, то червонихъ, якъ печені раки. Де які балакали, але жъ я добре не прислухався, бо голова моя стала, якъ барабанъ. Я пійшовъ за келейникомъ. Перейшли здорову заду, потімъ останувились передъ дверима; келейникъ відчинивъ двері і прошипотівъ «иди!». Я вийшовъ. Я тільки бачивъ, що передо мною стоить високий, худий, бородатий архіерей—той самий, которого я бачивъ пять годъ тому назадъ въ соборі, а більшъ мені нічого не було видно. Якъ я сложивъ ладоні для благословенія, якъ подавъ прошеніє—цѣго не заламятую. Архіерей почавъ читать прошеніє. Я трохи очумався, Архіерей сложивъ прошеніє и подивився на мене. Я трохи не впавъ на підъ, ось скаже: «А ну, сладкозвучний, заспівай мені що небудь!» Вийшло зовсімъ не такъ, архіерей сказавъ друге: «Дня черезъ четьре справишься въ консисторіи. Я положу резолюцію. Богъ благословить!» і піднявъ руки для благословенія... Вийшовъ зъ архіерейского дому я і трохи не заспівавъ. Радісно мені стало; ходивъ я цілий день по городу, —істи мені не хотілось,—у вечері прийшовъ до протоіерея і розказавъ ёму, якъ було діло. «Будешъ ти, сладкозвучний Поликарпе, дякомъ у Веретені!» сказавъ, усміхаючись, протоіерей. Черезъ два дні—протоіерей вернувся зъ консисторіи, де вже лежало мое прошеніє съ резолюціей архіерея, оповістивъ, що я назначенъ «дьячкомъ» у рідне Веретено...

На другий день, подякувавши протоіерея за хлібъ, за

сіль, за ласку, узявши у ёго благословеніе, пішовъ я, чі скорійше полетівъ, въ Веретено. У городъ я теліцавсь чотири дні; а назадъ въ Веретено дойшовъ за три дні. Більше я уже ніколи не бувъ у «кваедральному городі». Виходило такъ, що сами архіереі приїздили, та й не одинъ разъ, дивиться на мене въ Веретено, а я собі смирно сидівъ у своєму рідному селі,—добродушно ухмыляясь говоритъ Поликарпъ.

Такъ торжественно и важно перевернулась одна изъ самыхъ достопримѣчательныхъ страницъ въ «книгѣ бытія» Полакариоваго.

Открылась новая страница, на которой ровными, неторопливыми строками улеглось повѣствованіе о житиі тихомъ полномъ высокої релігіозной идилліи Поликарпа въ должности «дьячка» с. Веретена...

По возвращеніи Поликарпа изъ губернскаго города— съ радостной вѣстью, отецъ рѣшилъ сразу же его женить. Выборъ палъ на дочь діакона одного изъ сосѣднихъ селъ. Сватанье было проведено въ духѣ тогдашнихъ традицій: вені, віді, вісі. «Я сразу, рассказываетъ Поликарпъ, добре і не розібравъ, чі воно гарна моя Кулына, чі пагана, а потімъ, якъ оженився, побачивъ, що вона, гнучка, якъ лозинка, очі, якъ зірочки». «Ось не смійся, старий, ворчить маленькая тщедушная «Кулына»:—самъ не краще бувъ»..

Вскорѣ, послѣ назначенія Поликарпа псаломщикомъ въ Веретено, умерли его отецъ и о. Стефанъ; на мѣсто послѣдняго назначенъ былъ его сынъ, Ваня, сверстникъ Поликарпа, другъ его дѣтства..

«Прошли года, бурь порывъ мятежный развѣялъ прежнія мечты», и оба старые служители алтаря Господня стоятъ теперь подъ сѣнью родного храма, убѣленные сѣдинами, съ тихой и ясной улыбкой...

Поликарпъ въ лѣтописяхъ родного Веретена отмѣченъ, какъ піонеръ народнаго образования. Въ церковной сторожкѣ, съ благословенія о. Іоанна, онъ открылъ «народный университетъ» съ тремя курсами: «букварь», «часловець» и «псалтырь»—и несъ эту просвѣтительную миссію безмездно, если не считать тѣхъ „приношеній» натурой, которыхъ его удостаивали родители учениковъ,

по прохожденіи каждаго, изъ трехъ указанныхъ, цикла наукъ.

Когда начало ослабѣвать у Поликарпа зрѣніе, онъ вмѣстѣ съ Лукою и другими Веретеновцами совершилъ паломничество въ Кіевъ, конечно, по образу пѣшаго хожденія. Здѣсь онъ обратился къ профессору-окулисту, лакей котораго оказался старымъ знакомымъ Поликарпа. Благодаря содѣйствію своего друга, профессоръ съ трогательною заботливостію отнесся къ Поликарпу, — обласкалъ его, сдѣлалъ даромъ очень сложную операцію, наложилъ повязку на глаза, приказавъ ее не снимать четыре дня, а потомъ явиться къ нему въ клинику. «Старый другъ» Поликарпа предложилъ ему, съ разрѣшенія профессора, остаться у него.

«Пішовъ я на четвертый день у клініку, — мене одвівъ сюди Лука, — розказываетъ Поликарпъ. Профессора не було у клініці, кудись поїхавъ. Молодий лікаръ знявъ зъ очей повязку, чикнувъ ножичкомъ въ одному і другому оці і сказавъ, щобъ я ще день не розв'язувавъ повязки. У вечері покликавъ мене у свій кабінетъ старий профессоръ. Подивився въ очі і каже, що зроблено не те, що треба. «Ну, ще діло можно поправитъ. Будешъ капувать каплями счі, а весною прійдешъ до мене». Це діло було літомъ, а въ осени я узнавъ, що профессоръ умеръ.. У Кіивъ я бильшь не ходивъ, — такъ і остався сліпимъ...

Выйдя въ заштатъ, Поликарпъ влачить тяжелое, полуголодное существованіе, живетъ исключительно на пенсію — 8 рублей въ мѣсяць, но онъ никогда не ропщеть, не выходитъ изъ себя и «философски» успокаиваетъ свою впечатлительную «Кулину».

— Дожились! Істи нічого. Служивъ, служивъ, а теперъ усі забули.

— У каждого, Кулино, свое лихо есть... Не все жъ намъ істи балабушки съ медомъ, та пухкі чаляниці. Онъ святі по цілимъ тижнямъ нічого не іли...

— Ми зъ тобою не святі! На завтра ні съ чого пикти хліба!...

— Позичъ у кого небудь. Отдамо, якъ буде!

— Іди самъ позичай, — і такъ сміються уже. «Старці» — кажуть.

— І це діло, Кулино! Нема тильки лишніх грошей; купили бь бандуру, ябь гравь та приспівувавь, а ти мене водила по селу.

— Не смійся, Поликарпе, бо скоро, мабуть, і підемь зь бандурою,—ворчить «Кулина».

— Охь, Кулино, дуже важкий та здоровий світь Божий—не перевернемь ми ёго зь тобою, видимо, старі стали; нехай перевертають молодші,—сь милой, доброй улыбкой парируеть удары нервной «Кулины» Поликарпь.

«Мірь меня ловиль, но не поймалъ»—можеть съ полнымь правомь сказать Поликарпь вмѣстѣ съ украинскимь философомь Сковородою.

Анничъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТРЕЗВОСТЬ.

Первая въ Россіи противоалкогольная съ рисунками газета выходитъ въ свѣтъ еженедѣльно по слѣдующей программѣ: I. Голосъ истины. II. Что произошло (хроника). III. Борьба съ пьянствомъ и хулиганствомъ. IV. Обмѣнъ мыслей трезвенниковъ и ревнителѣй трезвости. V. Работа противоалкогольныхъ организацій. VI. Живое слово (фельетонъ). VII. Портреты и рисунки. VIII. Справочный отдѣль. IX. Объявленія.

Подписная цѣна: За годь съ перес. и доставкой—2 р.; безъ пересылки и доставки—1 р. 20 к.; за семь мѣс. (съ 1 іюня до конца года) съ перес.—1 р. 50 к.; безъ перес.—80 к.

Адресь редакціи: С.-Петербургъ. Саблин., ская улд. 4. Редактору—Издателю священ. Петру Ивановичу Полякову.

СТУДЕНТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

В. И. Иваницкій

ГОТОВИТЬ на званія—священника, діакона, псаломщика, учителя,—ницу; въ 5 кл. семинаріи и къ экзаменамъ и переекзаменовкамъ во всѣ классы средн. учебн. заведеній.

Адресъ до 15 мая: Сергіевъ-Посадъ, Московск. Академіи. Послѣ—г. Полтава (точный адресъ будетъ объявленъ особо).

==== На отвѣтъ 7 коп. марку. =====

10—8

СТУДЕНТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

Н. И. Ломакинъ

ГОТОВИТЬ на званія—священника, діакона, псаломщика, учителя,—ницу; въ 5 кл. семинаріи и къ экзаменамъ и переекзаменовкамъ во всѣ классы средн. учебн. заведеній.

— — Имѣлъ широкую практику. — —

Адресъ до 15 мая: Сергіевъ-Посадъ, Московская Академія. Послѣ—г. Полтава, Кирочный пер. (Колонійская ул.), д. № 11.

==== На отвѣтъ 7 коп. марку. =====

10—8

Иконостасная мастерская
СТЕФАНА ФЕОДОРОВИЧА
ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ Кіевской губ.,

принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами,

на всевозможную живопись и чеканку, а также на картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малыя домовыя работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

исполнялъ иконостасныя работы въ полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ.

Фирма существуетъ съ 1879 года

10—9

СОДЕРЖАНІЕ: I. Слово въ день выпускного акта воспитанницъ Полт. Епарх. женск. училища.—II. Вѣра въ личное безсмертіе въ ея отношеніи къ вопросу о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни.—III. Простая рѣчь священника къ народу о прославленіи и жизни Святителя Питирима, Епископа Тамбовскаго.—IV. Нѣсколько словъ по поводу наблюденія за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ школахъ, гдѣ преподавателями сего предмета состоятъ мѣстные учителя и учительницы.—V. Сельскій пастыръ въ настоящемъ.—VI. О подоходномъ обложеніи церковей.—VII. Поликарпъ.—VIII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { *В. Терлеужкій.*
В. Конопатовъ.

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 15 Іюня 1914 года.

Полтава, электрич. типографія Г. И. МАРКЕВИЧА.